

**ЧЕЛОВЕК В КОНТЕКСТЕ
СВОЕГО ВРЕМЕНИ:
ОПЫТ
ИСТОРИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО
ОСМЫСЛЕНИЯ**

ЧАСТЬ 2

**Санкт-Петербург
2006**

МЕЖДУНАРОДНАЯ АССОЦИАЦИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ
отделение Санкт-Петербургской Ассоциации философов
Российского философского общества

КАФЕДРА ФИЛОСОФИИ КУЛЬТУРЫ И КУЛЬТУРОЛОГИИ
философского факультета
Санкт-Петербургского государственного университета

КАФЕДРА ИСТОРИИ
Санкт-Петербургского государственного политехнического университета
ИЗДАТЕЛЬСТВО «НЕСТОР»

ЧЕЛОВЕК В КОНТЕКСТЕ СВОЕГО ВРЕМЕНИ:
ОПЫТ ИСТОРИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО
ОСМЫСЛЕНИЯ

Материалы XX Международной научной конференции
Санкт-Петербург, 18–19 декабря 2006 г.

ЧАСТЬ 2

Санкт-Петербург
2006

ББК 88.5

Ч-39

Под редакцией
доктора исторических наук, профессора
Сергея Николаевича Полторака

Человек в контексте своего времени: опыт историко-психологического осмысления: Материалы XX Междунар. науч. конф. Санкт-Петербург, 18–19 декабря 2006 г.: В 3 ч. / Под ред. д-ра ист. наук, проф. С.Н. Полторака. СПб.: Нестор, 2006. Ч. 2. 286 с.

В трехтомник материалов конференции вошли работы более 200 авторов – историков, психологов, философов, филологов, культурологов и других ученых, специализирующихся в области исторической психологии.

Для исследователей, занимающихся проблемами исторической психологии, а также всех, кто интересуется отечественной и всеобщей историей.

ISBN 5-303-00275-6

© Авторы публикаций, 2006
© Издательство «Нестор», 2006

СОДЕРЖАНИЕ

<i>О.Э. Итурральде Шайлер, В.А. Ушаков.</i> Межокеанский канал в Панаме: неизвестная страница в деятельности российских географов в XIX в.	3
<i>О.А. Кажанов.</i> Становление массового политического мифосознания в условиях новейшей истории России	5
<i>М.В. Каиль.</i> Епископ Смоленский Филипп (В.И. Ставицкий): к вопросу о роли провинциального православного иерарха в период обострения государственно-церковных отношений начала 1920-х гг.	10
<i>П.М. Кайбушева.</i> Оренбургский житель и городские зрелища 20-х гг. XX в.	16
<i>Е.А. Калинина.</i> Сельский учитель: П.И. Скворцов и его роль в развитии школьного дела в карельской деревне	21
<i>Т.Н. Кандаурова.</i> Военный поселянин кавалерийских округов: социальный портрет и опыт историко-психологического анализа	26
<i>А.М. Каитор.</i> Пространство и время Иосифа Бродского: вызов и ответ	33
<i>В.Г. Караваева.</i> Влияние мифа на психику человека: пространственно-временной аспект	37
<i>Т.А. Каратаева.</i> Солдат-крестьянин на фронте Первой мировой войны	43
<i>Т.А. Кирпичникова.</i> «Все силы на разгром врага» (мобилизация людских ресурсов в начальный период Великой Отечественной войны)	48
<i>М.В. Кирчанов.</i> Индрикис Страумитс в контексте истории раннего латышского национализма	52
<i>А.Н. Кислицына.</i> Начало формирования культа «борцов за свободу» в революционной России	57
<i>И.О. Колдомасов.</i> Советский народ и внешний мир в годы Великой Отечественной войны: композиция «враги-союзники» в общественном сознании	62
<i>О.Н. Кондратьева.</i> Образ человека в литературе Древней Руси (лингвистический аспект)	68
<i>М.И. Кондрашева.</i> «Знающий, разумный, понимающий»	73
<i>М.И. Кондрашева.</i> Размышления историка по поводу... ..	74
<i>А.Г. Коняхина.</i> Человек западной цивилизации после сентября 2001 г.: черты изменения ментальности	76
<i>В.В. Коровин.</i> Психологический портрет венгерского оккупанта (по документам политотдела 40-й армии Брянского фронта)	81
<i>В.В. Коровин, АН. Манжосов, Н.Н. Пожидаева.</i> Немецко-фашистская оккупация и судьбы женщин: историко-психологическое осмысление ...	85
<i>А.В. Косов.</i> Человек во временном контексте: личностная картина мира и мифологизация социума	90
<i>А.В. Косов.</i> Человек во временном контексте: «Я-Образ» личности и мифологизация социума	94
<i>Д.Г. Котеленко.</i> Мусульманские сообщества запада: пост-исключенческий синдром и проблемы идентичности	98
<i>Т.В. Котюкова.</i> Политические деятели Туркестана в контексте своего времени: гонения на оппозицию или соблюдение буквы закона?	103

<i>С.В. Кочеткова.</i> С.Н. Булгаков: хозяйствующее сознание и хозяйствующий человек через призму свободного хозяйствования	106
<i>С.А. Кочуков.</i> Историко-психологические наброски к портрету русского солдата в русско-турецкую войну 1877–1878 гг.	110
<i>О.В. Кочукова.</i> «Мало рассчитываю на успех, но делаю все, что могу...» (о К.Д. Кавелине в последние годы жизни)	113
<i>С.Г. Кривенков.</i> Индийская модель социума – история и прогноз адаптации к глобализации	118
<i>Е.Г. Кривоножкина.</i> «Дезертирство» сельской молодежи с предприятий оборонной промышленности в годы Великой Отечественной войны (на примере Татарской АССР)	126
<i>О.В. Кузнецова.</i> Повседневно-бытовое значение советского кинематографа на оренбургской целине (1954–1965)	129
<i>Г.Ю. Лазновская.</i> Положение женщины во Франции глазами русских очевидцев второй половины XIX в.	134
<i>И.Е. Левенец.</i> Феминизация маркетинга как результат изменяющегося статуса женщин в сфере потребления жизненных благ в современном обществе	139
<i>О.Н. Леконцев.</i> Крестьянство Вотской области в 1923–1927 гг.	142
<i>Л.А. Леонтьева.</i> Борьба государственных органов с детской уличной беспризорностью и безнадзорностью. Положение в детских домах Оренбургской области в 30-е гг. XX в.	147
<i>Е.А. Леонтьева.</i> Социальная помощь наиболее незащищенным категориям граждан со стороны государства в 50–60-е гг. XX в. (на примере Оренбургской области).....	152
<i>В.А. Литвиненко.</i> Человек в виртуальном мире, или несколько слов о завтрашнем дне	156
<i>О.В. Лобанова.</i> История жизни святого Серафима Саровского и его родных на Курской земле	162
<i>Е.М. Лупанова.</i> Должность ревизора в русском флоте начала XIX в.: проблемы статуса и взаимоотношений	164
<i>А.И. Макурин.</i> Эмоционально-нравственный фактор в формировании социальной картины России американскими журналистами начала XX в.	168
<i>Н.А. Малышева.</i> Дети военной поры: специфика взаимоотношений	173
<i>Н.А. Малышева.</i> Ментальные и исторические проблемы институализации идеи социальной самозащиты в общественном сознании	177
<i>М.В. Мандрик.</i> В.И. Веретенников и А.С. Лапо-Данилевский: из истории взаимоотношений	180
<i>В.М. Марасанова.</i> Ярославский «родиновед» Петр Андреевич Критский (1865–1922)	185
<i>С.В. Мартыненко.</i> Проблема детской беспризорности на Южном Урале в послевоенные годы и ее решение органами НКВД–МВД (июнь 1945–1953 гг.).....	190

О.И. Марченко. Искусство речевого действия и творческий метод К.С. Станиславского	194
Е.Ф. Матвейчук, В.А. Чигирев. Взгляд на историю с позиции идеологии нравственности	197
В.Я. Мауль. «Коллективный портрет» пугачевцев на фоне эпохи или историк в поисках исследовательского дискурса	200
В.В. Митрофанов. С.Ф. Платонов и Археографическая комиссия	205
Л.Н. Мишина. Устойчивые словесные комплексы фразеосемантической группы «эмоциональное состояние» как часть оппозиции <i>истинная вера—ложная вера</i> в старославянском языке (на материале Супрасльской рукописи)	209
В.М. Монахов, В.А. Ушаков. Конфликт и консенсус в истории ранней Америки	214
И.Л. Морозов. Богемный повстанец и эпоха «карнавальных революций» (политико-психологическая оценка феномена Эдуарда Лимонова)	218
Е.В. Морозов. Судьба Н.И. Ашинова (1856–1912)	222
О.М. Морозова. Паника как свойство массового сознания участников Гражданской войны	227
В.И. Мусаев. Русская диаспора в Финляндии после 1917 г.: психологические проблемы адаптации	233
Е.Н. Мухранова. Феномен возраста – опыт культурно-психологического осмысления	237
Е.М. Мягкова. «Свой чужой» во французском обществе XVIII в. (представления элиты о «народе»)	243
В.А. Надеждина. Психологические последствия социальной мобильности в революционном обществе: опыт 1920-х гг.	247
А.Д. Немцев. Командарм Михаил Парсегов (историко-психологическое осмысление)	251
Е.Э. Овчарова. Французские путешественники на Востоке в XVII–XIX вв.	255
Н.П. Овчинникова. Политические события России в школьном творчестве Архангельского Севера в 20-е гг. XX в.	260
А.Е. Оторочкина. Восприятие реформ народного образования в дворянской среде российской провинции в первой половине XIX в. (на материалах губерний Верхней Волги)	264
Н.В. Официрова. Некоторые черты социально-психологического портрета «типичного» сотрудника ГПУ (на материалах Северо-Запада России 20-х гг.)	269
О.Е. Пазина. Общественные отношения как объект социального контроля и ответственности	271
И.В. Пащенко. Основные аспекты историософии Ивана Семеновича Пересветова	273
Участники конференции	279

приступило к осмыслению необходимости социальной самозащиты, в соответствующее русло.

Важную роль в этом играют средства массовой информации. Целесообразно было бы поднять в них тему социальной самозащиты: инициировать публикации и показ материалов, сообщающих о случаях позитивной и негативной социальной самозащиты, организовать публичное обсуждение проблем, связанных с социальной самозащитой, возможна даже организация социальной рекламы в СМИ на тему социальной самозащиты.

Юридические вузы тоже способны внести немалый вклад в развитие идеи социальной самозащиты в общественном сознании. Можно было бы ввести в курсы лекций, читаемых по различным юридическим дисциплинам, тему социальной самозащиты, организовать круглые столы, конференции, конкурсы студенческих научных работ и т.д.

Чтобы идея социальной самозащиты превратилась в устойчивый стереотип общественного сознания, к ее восприятию необходима подготовка уже в школьном возрасте, тем более что эта идея ценна не сама по себе. Ученые педагоги признают, что подготовленность к самозащите является условием социального становления и существования человека².

Более того, «самозащитная» подготовка востребована жителями нашей страны. Согласно данным опросов общественного мнения, большинство россиян считают, что население нужно обучать правилам самозащиты во время стихийных бедствий и природных катаклизмов. 39% респондентов предлагают делать это через специальные программы в СМИ, 29% считают, что обучающие программы должны реализовываться в школах, а 28% предлагают организовать «школы выживания» по месту жительства³.

¹ Кистяковский, Д.А. В защиту права / Д.А. Кистяковский / Сост. А.А. Яковлева. М., 1991. С. 123.

² См.: Ковальчук М.А. Подготовленность к социальной самозащите как условие социального становления человека // Пед. вестн. 1998. № 2. С. 12–14.

³ Герасимов А. Мир, вероятно, спасти уже не удастся, но отдельного человека всегда можно // Профиль. 2005. № 36. С. 4.

М.В. Мандрик
(д. Горбунки, Ленинградская обл.)

В.И. ВЕРЕТЕННИКОВ И А.С. ЛАППО-ДАНИЛЕВСКИЙ: ИЗ ИСТОРИИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ*

Личность историка, как и его научное наследие, всегда находится в центре внимания не только историографов, но и неспециалистов, любителей

* Работа выполнена по гранту для молодых кандидатов наук из вузов и академических институтов, расположенных на территории Санкт-Петербурга, № PD 06-3.14.-233.

истории. Фактор личности присутствует в любой научной работе и задача исследователя – выявить его влияние на интерпретацию событий, отделить объективное от субъективного. Для решения этой задачи необходимо, прежде всего, ответить на один вопрос: «кто вы, историк?» Воспитание, образование, научное окружение и общественно-научные идеи того времени, политические взгляды и ряд других менее значимых факторов составляют основу, на которой воздвигается та или иная концепция, теория, парадигма отдельно взятого ученого. Историограф должен быть и знатоком проблематики, по которой писал изучаемый им историк, и знатоком его времени, и, что не менее важно, биографом и психологом в одном лице при реконструкции биографии ученого. Для воссоздания портрета историка как обычного человека важную роль играют воспоминания современников, которые часто дают мельчайшие детали, позволяющие исследователям делать тот или иной акцент в изучении его личности и творчества.

Имя и научное наследие А.С. Лаппо-Данилевского, наряду с именами его современников С.Ф. Платонова и П.Н. Милюкова, остается одним из самых востребованных в современной историографии¹. Личность академика была настолько неординарной, что современники в воспоминаниях о нем часто кардинально расходятся в своих определениях: «...слишком “сам по себе”» (А.Е. Пресняков)², «...представлялся всегда очень несчастным человеком: получив превосходное домашнее образование, зная много языков, обладая колоссальными знаниями и необыкновенной усидчивостью, он всю жизнь стремился воспарить в творческом порыве – и не мог, потому что в сущности у него не было таланта, творчества, интуиции» (Н.Н. Платонова), «...человек, по-видимому, плохо воспитан и очень угловат в обращении с людьми. С равными себе и с учениками он обращался хорошо; но с высшими себе обращался надменно, когда это было для него небезопасно. Но когда было это нужно, держал себя очень почтительно» (В.Г. Дружинин)³, «...слыл за человека чопорного и замкнутого. Однако я скоро заметил, что он просто принадлежит к числу тех людей, которые наружной чопорностью прикрывают свою застенчивость» (А.А. Кизеветтер)⁴, «...в облике А.С. сходятся логические и этические нити человеческой природы» (Б.А. Романов)⁵, «...очень благородный человек» (Е.В. Тарле)⁶. Этот перечень можно продолжать и далее, но он не изменит той степени полярности мнений, которая присуща характеристикам академика.

Переписка Василия Ивановича Веретенникова (1880–1942)⁷ – одного из учеников и многолетних корреспондентов – с А.С. Лаппо-Данилевским добавляет ряд интересных и ярких штрихов к портрету выдающегося историка, и непонятно, почему это эпистолярное наследие так редко используется современными исследователями, а если и используется, то крайне отрывочно и неинформативно. Эпистолярное наследие В.И. Веретенникова дает не только сведения о ходе его научной и административной карьеры, работе

семинариев А.С. Лаппо-Данилевского, о взаимоотношениях ведущих историков Петербурга, Москвы и Харькова, но представляет, весьма ярко и наглядно, психологические портреты двух ученых. Даже, несмотря на то, что письма А.С. Лаппо-Данилевского к своему ученику не сохранились, в посланиях В.И. Веретенникова четко прослеживается их содержание⁸. Отношения между учителем и учеником добавляют новые краски в палитру портрета А.С. Лаппо-Данилевского как научного наставника и человека, еще раз опровергая мнение о его холодности и полной замкнутости «в себе».

Основным содержанием писем за 1903 – начало 1904 г. было обсуждение послеуниверситетской жизни В.И. Веретенникова, когда выпускник престижного факультета стоял перед выбором места будущей работы. Не получив диплома 1-й степени, он не смог воспользоваться предложением С.Ф. Платонова и А.С. Лаппо-Данилевского остаться в университете и вернуться в Харьков. Но молодой историк не представлял себе научной работы без сотрудничества с учителем и планировал в скором времени поступить на службу в Петербурге, чтобы иметь возможность продолжать учиться у А.С. Лаппо-Данилевского⁹. Жизнь внесла свои коррективы: историк получил предложение сдавать магистерские экзамены в Харьковском университете, чем был обязан лестному отзыву о нем А.С. Лаппо-Данилевского. Не без прямой (письменной) помощи учителя В. И. Веретенников смог преодолеть сопротивление некоторых членов факультета, и его оставили при университете¹⁰. Кроме того, ему удалось в 1905 г. поступить на службу в Петербургский Главный архив иностранных дел, где он удачно совмещал карьеру и научные исследования до 1908 г.¹¹ Научное сотрудничество В.И. Веретенникова и его учителя продолжалось весьма плодотворно, о чем свидетельствуют письма за 1905–1906 гг.¹²

В одном из писем А.С. Лаппо-Данилевский, усмотрев у В.И. Веретенникова желание бросить научную работу, выразил по этому поводу сожаление, на что последний, со свойственной ему рефлексией, не раз проявляющейся в письмах к академику, ответил: «Если моя профессиональная деятельность будет другая, не научная... то кому какой вред принесет хотя бы крайняя моя бесталанность в научной сфере? Конец Вашей приписки в... письме Вашем дает мне право признаться, что я был бы чрезвычайно обязан Вам, если бы имел возможность, изредка хотя бы, пользоваться Вашими советами и указаниями, столь для меня ценными и необходимыми в моих научных занятиях»¹³. Советы понадобились уже в конце 1909 – начале 1910 г., когда В.И. Веретенников предпринял попытки защитить диссертацию в Московском университете, но, получив отказ М.К. Любавского, оказался на распутье. Первоначальный отказ от защиты в Петербурге объяснялся положением в университете А.С. Лаппо-Данилевского. Ученик, почти всегда неудовлетворенный качеством своих работ, не хотел никоим образом бросить тень на учителя, и только оказавшись в безвыходном положении, обратился к нему с вопросом: «...если Вы согласитесь, если в этом для Вас не

будет ни малейшей неприятности (ибо если будет хоть малейшая, ввиду всех недавних факультетских эпизодов, — то тогда вопрос опять отпадает), то, Вы понимаете сами, как мне и ценно, и важно, и приятно Ваше участие в диспуте...»¹⁴ А.С. Лаппо-Данилевский не отказал, хотя ему и пришлось вступить в переписку с С.Ф. Платоновым, с которым у него к тому времени были весьма натянутые отношения. Переписка по этому вопросу позволяет судить о степени заинтересованности академика в продвижении своего ученика и соблюдении при этом «политкорректности» — ответы писались сразу же, порой в день прочтения письма, видимо, таким образом ученый пытался предупредить необдуманные шаги «горячего» по темпераменту В.И. Веретенникова. Диссертационная коллизия благополучно завершилась присвоением ученому степени магистра истории в декабре 1910 г. Еще ранее, 26 октября, В.И. Веретенников писал своему учителю: «Страшно благодарю за предварительное поздравление; но тут мое глубокое убеждение, что если что маленькое я и мог сделать, то только потому, что был Вашим учеником, прошел Вашу школу, и быть всегда достойным этой школы — мое постоянное и неизменное стремление, хотя, может быть, и не всегда достижимое по моим силам»¹⁵. Уважительное и одновременно трепетное отношение к «школе» А.С. Лаппо-Данилевского наглядно иллюстрирует и февральское письмо 1911 г.: «Решился я это свое произведение печатать (очерк «Из истории Тайной канцелярии 1731–162» (Харьков, 1911). — М.М.), думая, что как некоторый материал он, может быть, кому-нибудь когда-нибудь и пригодится... я посылаю Вам ее анонимно, безо всякого надписания, чтобы Вам не пришлось, — если кто-либо такое надлежащее надписание увидел бы и с содержанием брошюры познакомился, — испытывать неловкое чувство за глупость (простите это выражение!) Вашего ученика!»¹⁶

Характерной чертой переписки является откровенность В.И. Веретенникова и полная уверенность в том, что учитель поймет мотивы всех его поступков, даже тех, которые по внешней видимости были направлены против него. В переписке запечатлен эпизод (май 1906 г.), когда в семинарии между академиком и учениками возникли серьезные трения, последние даже письменно выразили свое недовольство. Причина конфликта остается неясной, но письма В.И. Веретенникова от 15 и 22 мая наглядно иллюстрируют отношение молодого ученого к своему наставнику, приоткрывают его внутренний мир и происходящую в нем душевную борьбу. В первом письме, несмотря на то, что он поставил подпись под «петицией», историк, ссылаясь на свое несохранившееся письмо весны 1904 г., подтверждал свои прежние слова о преданности и уважении к учителю¹⁷. Для В.И. Веретенникова это было трудное время, и его поступки вызвали в нем самом противоречивые чувства, о чем явственно свидетельствует второе послание: «Мне очень тяжело Вам писать это письмо, но, мне кажется, я должен это сделать. Вы, вероятно, меня сильно укоряете за неблагодарность... Не буду оправдываться... мне... хочется только сказать Вам, что с Вашим именем у

меня связывается... период моей жизни, светлый, полный надежд и порывов к чему-то хорошему, что у меня соединилось со словом "наука". И если этот период внес в мою жизнь неизгладимую светлую полосу, которая своим, хотя бы далеким, отблеском... будет освещать и весь дальнейший мой жизненный путь, — то этим я в сильной степени обязан Вам... где-то в глубине у меня останется, будет хоть изредка пробиваться светлая струйка чистой веры, чисто го увлечения чем-то хорошим и высоким, что у меня будет неразрывно связано с наукой, с Вами. Спасибо Вам за это! Но не думайте, что я перестал "настаивать" на своих (коллективных) к Вам письмах и разговорах с Вами, чтобы я от всего этого отрекся». Понимая, что учитель может расценивать его демарш как бестактность, В.И. Веретенников добавил: «...если это и бестактно, то это было искренне, честно. Да, Александр Сергеевич, я горжусь, позвольте мне гордиться тем, что это честно...» (так в тексте. — М.М.)¹⁸. Инцидент был благополучно исчерпан и в дальнейшем о нем не вспоминали: до конца жизни историки оставались преданными друг другу, и их отношения все больше и больше превращались в чисто дружеские, время сглаживало дистанцию между учителем и учеником.

¹ Малинов А., Погодин С. Александр Лаппо-Данилевский: историк и философ. СПб., 2001; Ростовцев Е.А. А.С. Лаппо-Данилевский и петербургская историческая школа. Рязань, 2004 и др.

² Пресняков А.Е. Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский. СПб., 1922. С. 18.

³ Брачев В.С. «Наша университетская школа русских историков» и ее судьба. СПб., 2001. С. 67.

⁴ Кизеветтер А.А. На рубеже двух столетий: Воспоминания 1881–1914. М., 1997. С. 198.

⁵ Романов Б.А. Лаппо-Данилевский в университете // РИЖ. 1920. Кн. 6. С. 187.

⁶ Платнова Н.Н. Дневник (цит. по: Ростовцев Е.А. А.С. Лаппо-Данилевский и петербургская историческая школа. С. 240).

⁷ В.И. Веретенникова по праву считают украинским историком, но в то же время никто не отрицает, что он почти всю жизнь был связан, «хотя и не всегда формально», с петербургским университетом (Валк С.Н. Избранные труды по историографии и источниковедению. СПб., 2000. С. 65.), разрабатывая при этом тему государственных учреждений, центром изучения которой считалась московская историческая школа, а на преподавательскую долю историка выпало чтение лекций как в Харьковском, так и в Московском, Петроградском, а также Саратовском университетах. Его имя малоизвестно в широких исторических кругах, возможно, из-за его возвращения в 20-е гг. в Украину, откуда он был родом и где стал основателем советского архивоведения (См. о нем: Матяш І.Б. Василь Веретенников — видатний архівознавець // Матяш І.Б. Особа в українській архівістиці: Біограф. нариси. Київ, 2001. С. 142–161; Мандрик М.В. Василь Іванович Веретенников: Матеріали к біографії (по даним архіва ПФА РАН і ОР РНБ) // Архівознавство, археографія, джерелознавство: Міжвдом. зб. наук. праць. Київ, 2003. Вип. 6. С. 118–148; Она же. Учитель и ученик: А.С. Лаппо-Данилевский и В.И. Веретенников // Исследования по русской истории. К 70-летию профессора И. Я. Фроянова. СПб.; Ижевск, 2006.

⁸ Письма В.И. Веретенникова хранятся в С.-Петербургском филиале Архива РАН (далее — ПФА РАН) в фонде А.С. Лаппо-Данилевского (Ф. 113. Оп. 3. Д. 84) и составляют 38 писем за период с января 1903 по июнь 1918 г.

⁹ ПФА РАН. Ф. 113. Оп. 3. Д. 84. Л. 7.

¹⁰ На этом помощь А.С. Лаппо-Данилевского ученику в Харьковском университете не исчерпывается. В мае 1909 г. В.И. Веретенников приступил к сдаче магистерских экзаменов и, как сам писал учителю, был удивлен «благожелательному» к себе «отношению и со стороны самого Багалея, и со стороны всего факультета» (Письмо от 21 мая). По мнению экзаменуемого, такое отношение было вызвано не его заслугами, а беседой учителя с Д.И. Багалеем в Петербурге, которая ему «страшно» помогла и «укрепила... дух»: «Вот за это-то я и хочу очень, очень Вас поблагодарить...» (Там же. Л. 25–25 об., 25 об.–26.)

¹¹ ПФА РАН. Ф. 155. Оп. 2. Д. 121. Л. 70.

¹² В.И. Веретенников оставался активным участником практических занятий по дипломатике и даже брал на себя временами организаторские функции собраний с целью освободить А.С. Лаппо-Данилевского «от скучной истории – писания пяти одинаковых писем», стараясь тем самым сэкономить его время (Там же. Л. 14–14 об.). В начале 10-х гг. он оставался участником семинара, хотя и заочно – присылая свою часть работы по почте. Традиции семинаров учителя он продолжил и в Саратовском университете, где возглавил кафедру русской истории в начале 1917 г. По отзывам студентов, семинарий, просуществовавший до 1919 г., являлся для них хорошей школой источниковедения, где «скрупулезно анализировались и комментировались документы (указы)» (Саратовский университет. 1909–1959. С. 96). В Саратове В.И. Веретенников продолжал выполнять поручения академика, связанные с имуществом Академической библиотеки, частично туда эвакуированной (*Малинов А., Погодин С. Александр Лаппо-Данилевский*. С. 56).

¹³ ПФА РАН. Ф. 113. Оп. 3. Д. 84. Л. 20–20 об. Не исключено, что столь тесным и довольно близким отношениям способствовало увлечение обоих историков математикой, учителю мог импонировать математический склад мышления Веретенникова, который до перевода на историко-филологический учился на математическом факультете. Влияние академика на научную работу ученика было весьма существенным, оно нашло свое отражение и в выборе темы диссертации, и в ряде статей (напр., «Случайность в историческом процессе и статистический метод» (ЖМНП. 1913. Ноябрь.), в докладе 1919 г. «К вопросу о методах изучения истории государственных учреждений» (в Самаре), в тематике семинаров ученого и т.д.

¹⁴ Там же. Л. 40 об.–41.

¹⁵ Там же. Л. 55.

¹⁶ Там же. 56–56 об. В статье, посвященной памяти учителя, В.И. Веретенников отмечал, что «из школы Александра Сергеевича его ученики выносили всегда... большую строгость к самим себе, ту строгость, которая является таким необходимым условием всякой истинно ученой работы» (*Веретенников В.И. Памяти дорогого учителя // РИЖ. 1920. Кн. 6. С. 201*). И.М. Гревс вспоминал, что академику был свойственен самопессимизм, строгость к себе и повышенная самокритичность (*Гревс И.М. Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский (опыт истолкования души) // РИЖ. 1920. Кн. 6. С. 66*).

¹⁷ ПФА РАН. Ф. 113. Оп. 3. Д. 84. Л. 17–17 об.

¹⁸ Там же. Л. 18–19 об.

В.М. Марасанова
(Ярославль)

ЯРОСЛАВСКИЙ «РОДИНОВЕД» ПЕТР АНДРЕЕВИЧ КРИТСКИЙ (1865–1922)

С XIX в. во многих местностях России, в том числе в Ярославской губернии, наблюдался заметный подъем интереса к краеведению. До сегодняшне-